

КРОКОДИЛ

Москва.

18 февраля.

1923 г.

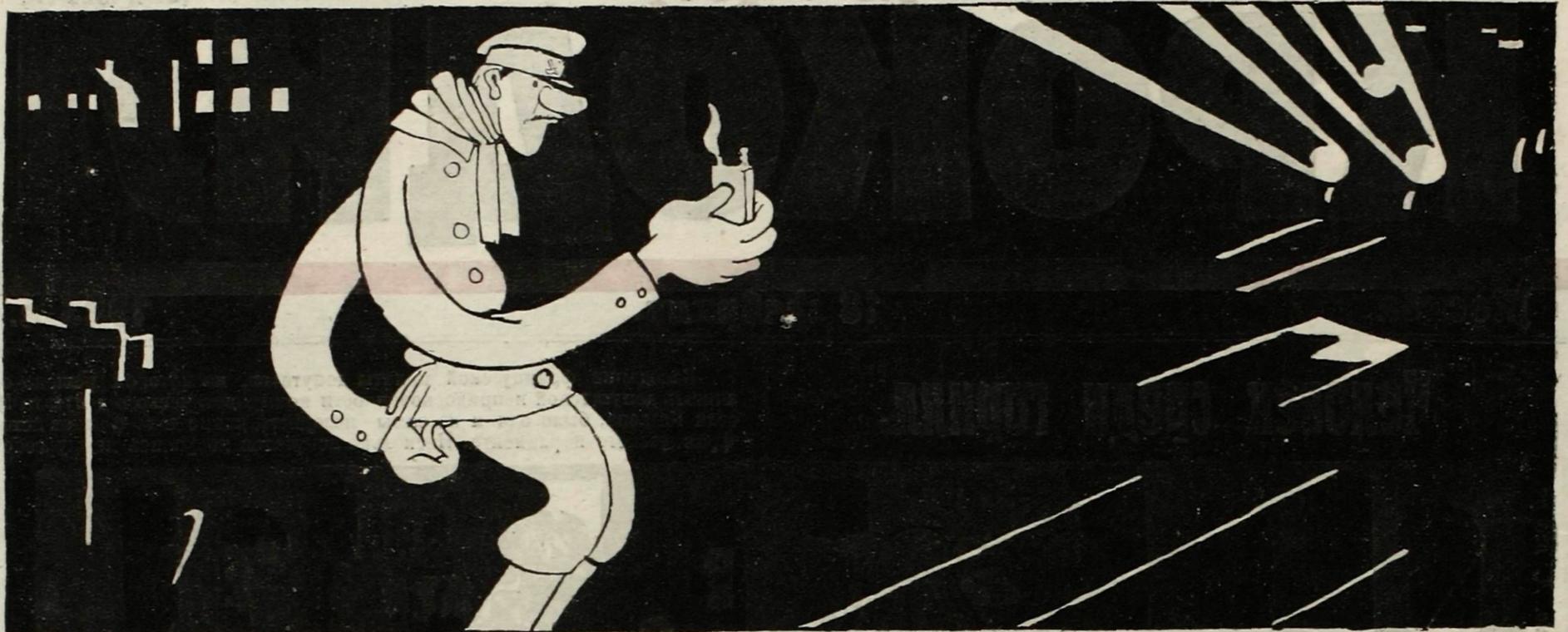
Человек среди горилл.

Заседание французской палаты депутатов, на котором решено было лишить депутатской неприкосновенности коммунистического депутата Марселя Кашена, было одним из самых позорных, какие только знает история французского парламента. Несколько депутатов подрались между собой.

Вис. Д. Мосра.

«Гориллы не терпят в своей среде человека. Завидев его, они набрасываются целыми стаями, и горе тому, кто невооруженным попадет в их лапы и на их нлыки» (Почти из Брэм)

Стрелочник (машинисту): — Эй, Кузьма-аа! Нет-ли у тебя на паровозе тряпочки зеленой — зажигалку обернуть? А тогда и поезжай с богом, — путь свободен.

Тоска по родине.

Эмигранты, потеряв надежду когда либо увидеть настоящую Россию, мечтают хотя бы о .. русских притонах с русскими женщинами.
(Из газет).

В девятнадцатом году помещик Шалопаев, сидя в Ростове, меньше чем на Москве не мирился.

— Это что — Ростов .. Украина! Какая же это Россия! Только Москва! Кремль! Сяду на Ивана Великого — и не слезу — да-с.

Но в Москву попасть не удалось. В двадцатом году пришлось крепко забиться в Крым. — И Шалопаев был недоволен:

— Крым — какая же это Россия! Татария, а не Россия ..

— Что же — в Москву хочешь?

— Москва — это далеко еще Москва.. Мне бы только мое тульское имение.. Ши, понимаете ли, мужички.. — «Ваше сиятельство!» Люблю Россию!..

Но и в Тулу ему не довелось — вместо этого попал в Константинополь.

— На Симферополь бы одним глазком взглянуть, — мечтал он, прогуливаясь по Перу. — Крым — русская Ривьера.. Скоро ли десант высадится?.. Воздух, аромат! Россия!..

В Берлине его встретили хорошо, и как приезжего парасхват.

— Скажите, пожалуйста, скоро наши в Москве будут?

— Скоро поляки Украину займут?

— А правда ли, что Ленин с Троцким посреди Москвы на кулачках подрались?..

— Правда, будто бы в России..

Шалопаев уверял, что все это истинная правда! А насчет Ле-

нина с Троцким — сам видел: народ на площади стоит, смотрит, — а посреди площади — повисает ли — никого. Ни Ленина, ни Троцко-о!

— В Москву бы .. затосковали эмигранты.. Одним глазком..

— Я бы и в деревню согласился.. Имение.. Мужички это: «Ваше сиятельство».. Да в ноги! Э-х-х!

— Ну что Москва.. До Москвы где уж нам.. И деревня тоже. В Крым бы десантик маленький.. Ривьера!.. Воздух!..

Шалопаев еще дальше пошел:

— Где уж Крым.. Нет, нам до Крыма тоже не добраться.. Не надеюсь я.. А вот если бы здесь..

— Что здесь?..

— Устроимте здесь Россию? А? Русские трактиры..

— Близки.. Икорка.. Семга..

— Русские качки..

— Пансиончик бы с настоящими русскими женщинами!..

— Правильно! Чего еще нам нужно! И без настоящей России обойдемся, если она, Россия-то, тут под боком!

— Что же нам еще в России нужно, как не это!

И уже совсем размечтались:

— Русские мужички.. — мечтал Шалопаев. — Выходишь на Унтер ден Линден — и на тебе — настоящий мужичек: «Ваше сиятельство»!

— Русские рабочие.. «Сколько тебе положить?» — «Не обидите, бла одетель!» — «Понятно не обижу».. Да..

— Русские тюрьмы.. Острог и решетки.. это не для нас.

— Русские чека.. — зайкнулся кто-то.

Все переглянулись, вздохнули и весь вечер больше не поминали о России.

Беберл.

Сон начпобрига.

Циркуляр был, как водится, лаконичен. Предписывалось немедленно ликвидировать замеченное в частях пьянство. Предлагалось немедленно провести ударную кампанию и т. д..

Начпобриг почесал за ухом, вызвал секретаря и сердито буркнул:

— Ну вот, шестая агит-тампания за одну неделю.

Секретарь вежливо с лонил голову на бок:

— Ничего. Вывезем. Не впервые..

Кампания началась и шла исключительно напряженно. Станная газета Побрига даже радиосводки кончала лозунгом: «Долой пьянство». Стагли по военному вопросу единственного бригадного спеца-начальника банно-прачечного отряда прерывались мудрыми изречениями, вроде: «Самогон-смертельный и очень дорогой яд».

Строевые занятия пришлось временно отменить. Политчас растянулся в целые 8 час. и посвящался исключительно беседам на тему о вреде пьянства. Ежедневно перед красноармейцами демонстрировались выт-

ренности пиянид, обивля аппетит ко всему хо-б-го виду на-поминающему говядину. В итоге 5 рота 2-го полка отказалась от мясных порций и объявила себя вегетарианцами.

Кампания прошла блестяще. Вся бригада возымела органическое отвращение к спиртным напиткам. Достаточно бы о произнести при красноармейце слово «самогон», как последний тотчас же чувствовал тошноту и шел в околоток.

Через две недели в бригаде ввели новые дисциплинарные взыскания.

— Елисеев — объявля взводный: почему на занятиях не был. Бутылку водки и дюжину пива тебе за это.

— Уж лучше на гауптвахту на месяц, чем вино это самое, — взмалывался злополучный красноармеец.

— И не могли. Нарушил устав, терпи.

И гауптвахты за ненадобностью были переданы для эксплуатации в бригадный коператив.

Начпобриг проснулся. На столе лежал недочитанный циркуляр. То был сон.

Свзн.

Библиотека „Крокодила“.

Художественная серия.

Печатаются и в скором времени выходят в свет

2 художественно-сатирических альбома 2

1) „Капитал“; 2) „По С. С. С. Р.“

Заказы направлять по адресу:

Москва, Главная контора „Крокодила“, Охотный ряд, против Дома Союзов.

Протез.

В общежитии имеется некая ДЕМИНА, умудрившаяся при наличии обоих здоровых ног, получить протез. За время пребывания в Москве означенная ДЕМИНА получила в учреждениях—2 пальто и полупальто. Она же, по заявлению соседей, сплошь и рядом возвращается пьяной, выдает себя за агента ГПУ, носит в кожаной кобуре детский пугач и т. п.

(Из одного акта).

Когда-то делалось так:

Проходя и профессиональный „стрелок“ Дрызгалов останавливал на улице пухлого обывателя и сифилистическим шепотом говорил:

„Помогите бывшему учителю. Пострадал невинно, за убеждения. Пять дней не ел.“

Если жертвой оказывался студент, резко менялся и тон, и голос.

„Коллега. Кельк пюз пур буар. На бутылку пива“...

Так было.

А стало так...

Уволенная за пьянство сиделка записного госпиталя ДЕМИНА десятый раз скандалила в канцелярии.

— Буржуи проклятые... На кого вы меня, сироту, бросаете... Как кровь проливать, так и нужна была... Давайте литеру.

Старый врач махнул безнадежно рукой и приказал выдать литер.

— Так что с фронту приехала—говорила Демина дежурному коменданту и вразумительно прибавляла.

— Падучая я...

— То есь как,—удивлялся комендант: фронты у нас, к примеру, год-два как кончились...

— Хорошо вам—возмущалась Демина: дрыхнете здесь в тылу и об никаких фронтах не понимаете. Место дадите, т. е. чтобы заночевать.

— Позвольте—отказывал комендант: документов у вас никаких, и к нам отношения не имееете...

— Так если припадочная я—волновалась Демина: вот сейчас биться начну, потому с контузии это... И шлепнув ись на пол, уволенная сиделка методично била ногами, пока перепуганный комендант не поместил ее в общежитии.

В общежитии Демина поставила себя сразу.

— Потому—говорила она; три ордена Красного Знамени, даже номера знаю, а только еще не приславы...

— Ишь ты,—умилялся швейцар: баба, а ведь тоже ероем вышла.

— Опять-таки,—продолжала Демина: вызывает это меня сам Троцкий и говорит...

— А почему вы, тов. Демина, шпоры носите—подобострастно спрашивали уборщицы.

— Седьмой год в кавалерии совместно с Буденным действую, а вы спрашиваете... следовал ясный ответ.

— И за что мы боролись—кричала Демина, в кабинете Председателя Треста: паршивое пальто просишь, и то не дают...

— Товарищ—мягко уговаривал ее Председатель: да ведь мы отпускаем целыми партиями. И при чем тут вы...

— Всю революцию в передовом авангарде, а как пальто, так я ни-причем.

— Попили нашей кровушки, будя!—пронзительно завопила просительница и в конвульсиях грохнулась на земь.

Поблдевав как смерть, Председатель отдал ей свое собственное

пальто и убежал в соседнюю комнату.

— Нивкакого сочувствия к раненым—обиженно жаловалась Демина Заведующему Здравотделом—четырнадцать ранений на фронте имею, три раза в плену была, а тут завлажившегося протезу жалко...

— Ну зачем вам протез,—убеждал ее Заведующий Здравоотделом: ходите ведь, свои чай ноги имеются.

— Падучая я—угрожающе говорила Демина,—и потом засиделись вы тут в креслах. Как для заслуженного бойца и протезу жалко, а что бы для непману...

— Не могу, никак не могу—беспомощно отнекивался Заведующий.

— Не дайте, значит—переспросила пришедшая и забилась в припадке.

И растерянный врач подписал ей требование на протез.

Поздно вернулась Демина. На-весе-седе пришла в общежитие, под нос мурлычет, в руках протез новенький. Потребовала от Управляющего:

— Как я калека, переводите меня в первый этаж.

— Как так калека?—озадаченно спрашивал тот: ходите на своих, видимо...

— А это что—размахивала протезом Демина: нет у меня ноги, и баста... И потом ранение у меня такое, что я на людей бросаюсь и не удерживаю...

— Всех вас после переарестую—грозила Демина задержавшему ее за кражу агенту МУУР'а и хваталась за кобурку.

— Ладно—усмехнулся тот,—видали таких, не запугаешь. А пистолетик дозвольте.

И удивленный агент вытащил из-за пояса Деминой детский пугач.

Свен.

Семейный портрет.

ПАПАША.

Высунув язык, отпустивши бороду,
Бега-т папаша по городу,
Трясет животом,
Продает врозницу и гуртом,
Чего нет и что было—
Валюту и мыло,
Вагоны аспирина,
А вечером в семейном кругу
Смачно жрет осетрину
И телячье рагу.

МАМАША.

Бриллианты замечательной игры,
Вся в меха разодета,
Великолепные жиры
Свисают из-за корсета;
Декольте до пупа.
Юбка выше колена,
При том так глупа,
Как не найдое полено.
Под чернубурой лисой,
Подведя губы и бровки,
Косится колбасой
По магазинам Петровки.

ДОЧЬ.

Мамаша—окорока,
А дочь—вобла сушая,
С носом в роде кряка —
Черная и худущая.
Часами не сходит с места
С вывернутой ногой,—
Обучается в „студии неста“.
Не то, в какой-то другой.
Ходит какой-то с кокардой,
Из мыловаренного треста,—
Пока у папаши лимонарды,
Дочь—выгодная невеста.

СЫНОЧЕК.

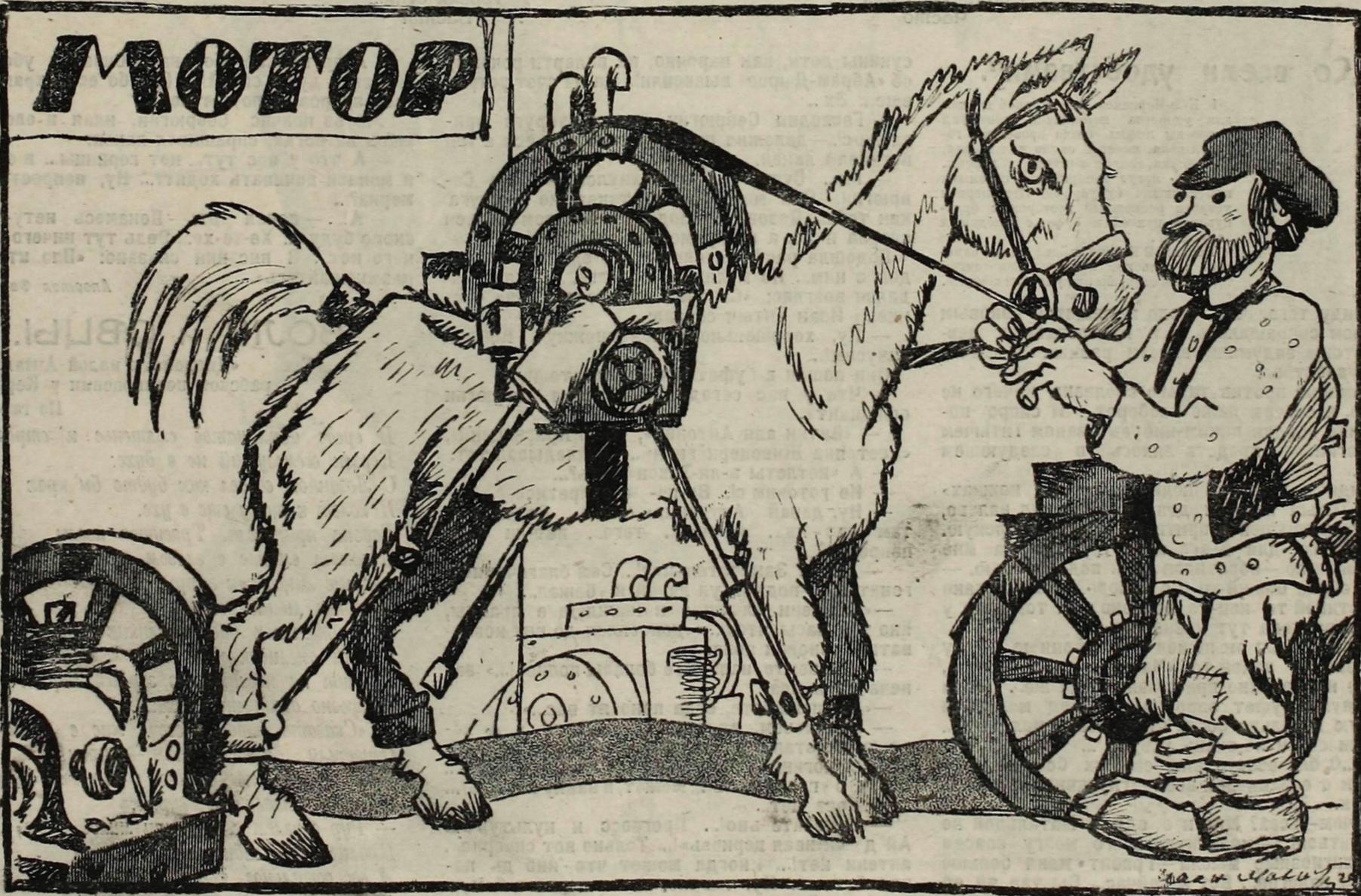
Сынок одна прелесть,—
Под глазами два мешка,
Фальшивая челюсть
И лысина в три верша.
В семье всех ба. полезней.
Пьет, как Ной,
Лечится от многих болезней,
Но чаще—от одной...

Л. Нинулич.

ГОРЕ ОТ ШЕФА.

Некоторые заводы и фабрики уже начали брать шефство над деревней. (Из газет).

Рис. Ив. Малютина.

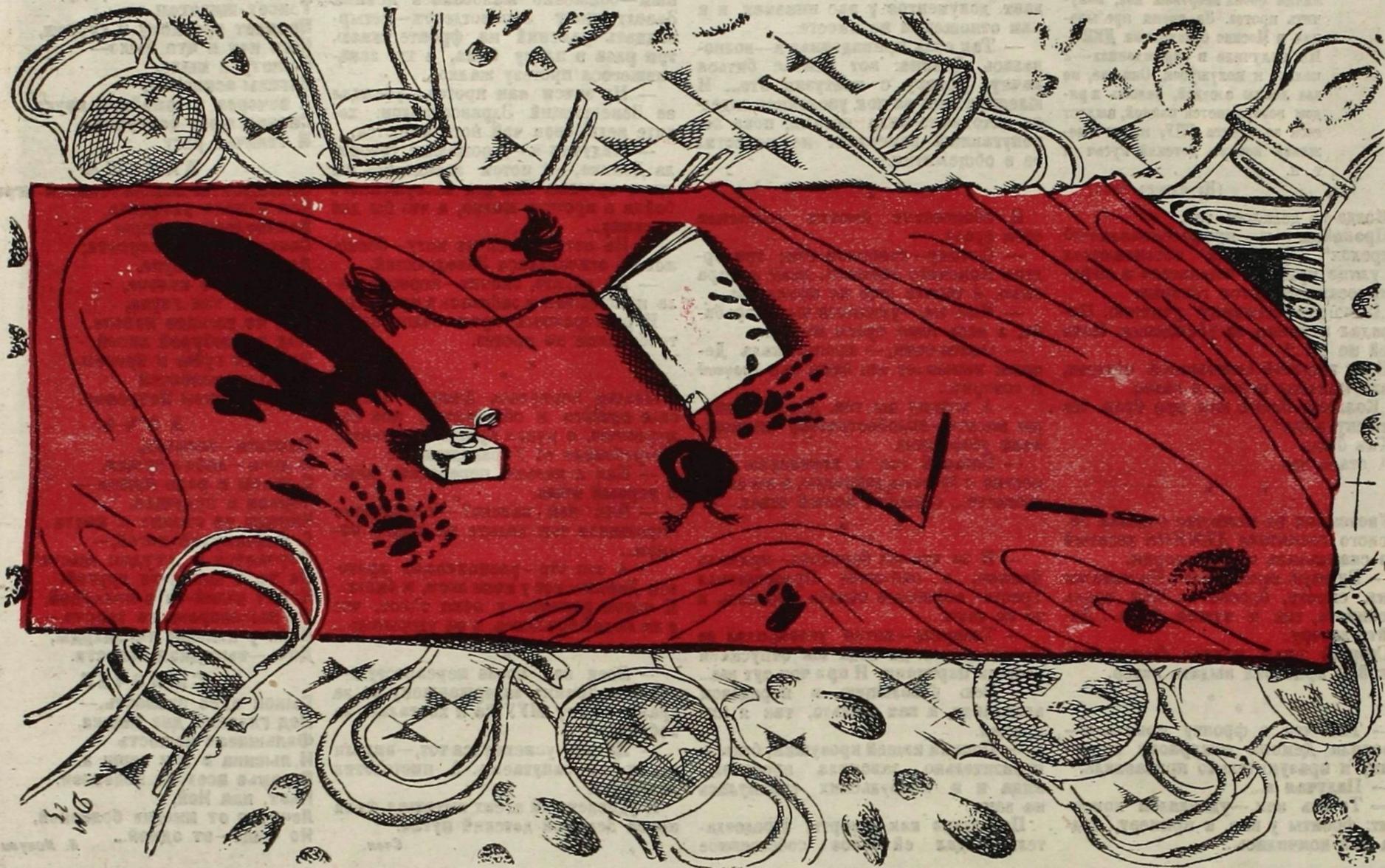

— Очевидно шеф попался моторный. Подарков прислал кучу, а куда их девать не знаю. Попробую сивку электрифицировать.

Результаты Лозанны.

Рис. Д. Мельникова.

Обе стороны—союзники и турки—готовятся к возобновлению военных действий. („Беднота“).

Так в лозаннские дни
Собирались они
Часто.

Облетели цветы,
Догорели огни...
Баста!

„Со всеми удобствами“.

В Нью-Йоркской лютеранской церкви для удобства молящихся прихожан устроены лифты, везде проведена горячая вода, имеется салон для чтения, библиотека, ванная комната, телефоны. Уборные могут соперничать с самыми изысканными будуарами. При церкви устроен роскошный ресторан с французской кухней и буфет с холодными закусками.

Тюмень. В Ишиме найден склад самодельных в польском костеле. Самогонкой торговали сторожа при участии ксёвда.

В виду того, что число молящихся роковым образом сокращалось, и в православных церквях тоже задумали ввести разные заманчивые удобства...

Напманье против такого соблазна ничего не имело, а совсем даже наоборот... И скоро посещение обедни каким-нибудь Иваном Титычем Севрюгиным представлялось в следующем виде...

Войдя в храм «Никола-на-Курьих ножках» Иван Титыч первым долгом завернул налево, в помещавшуюся в притворе парик-ахерскую.

— Ну-ка, для благолепия поскобли-ка мне физиономию!—обратился он к подмастерью. — Хоть образ божий-то и с бородой, но все-таки со щетиной-то как-то неловко... К тому же у меня.. рандева тут назначена...

После бритья он пошел в телефонную будку и позвонил какой-то «Матильде Федоровне», чтобы немедленно приезжала сюда же... Потом заглянул в буфет, опрокинул перед молением единую и только после этого пошел молиться...

Молился он не очень усердно... — ...О благосостоянии святых божиих цркви и о соединении всех!— гнусавил на амвоне диакон.

«Зачем—всех? Мне и с одной Матильдой не справиться!..»—мелькнули в его мозгу совсем не религиозные мысли—Грабит меня больше всяких налогов... Вот и сейчас... Выстав яй ей и портвейну, и мадеры, и того, и другого... Еще, пожалуй, шампанского запросит... А они,

сукины дети, как нарочно, на паперти рекламу об «Абрам-Дырцо» вывесили!.. Да на счет устриц еще... Эх..

— Господин Севрюгин, ваша супруга приехали-с!..—доложил подойдя согнувшийся в три погибели лакей.

— Гм... «Супруга»...—усмехнулся в усы Севрюгин.—Она мне, братец, такая же супруга, как тебе... Позови ее сюда, небось, помолиться сперва и до, а не прямо—за столик...

Подошла расфранченная мамзель и стала рядом с ним... Но молились недолго... Когда раздался возглас: «Святого апостола Павла чтение!» Иван Титыч сказал:

— Ну, хорошенького понемножку!.. Пойдем закусим!..

Они пошли в буфет и сели за столик. — Что у вас сегодня?—спросил Севрюгин официанта.

— «Битки аля Антонин», «Баф-Красницкий», «Осетрина Живоцерквеная»...—докладывал тот.

— А «котлеты а-ля-Тихон» есть?..

— Не готовим с!.. Ве-це-, с запретило-с...

— Ну, давай «Антонина» сюда!.. Да хересу там что-ли... А мне... того... нет-ли чего покрепче?..

— Есть. Замечательная!.. Сам благочинный гонит-с!..—подмигнул лакей и убежал...

— «Блажени алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся!»—доносился до них козловатый тенорик попа.

— «Нальемте, нальемте бокалы полнее!»—запела Матильда.

— «Блажени есте, егда поносят вас...»

— «И выпьем, друзья, за любовь!»... А хорошо это стало, по-американски-то!...—всклинул Севрюгин.—Что это, Ара что-ли надо, мила?..

Все, что угдно, есть!.. Может, в ванну хочешь?..

— Пока нет...

— Замечательно!.. Прогресс и культур!.. Ай да «Живая церковь»!.. Только вот северно... аптеки нет!.. Иногда может что-нибудь понадобиться... Ну, что же, после первого блюда можно пойти продолжать олене?..

— Н! с оит, папашка!..

— А пр вильно, Мотыка!.. Сказано убо: молитесь в душе своей!.. Сие бо есть храм... За твое здоровье, по третьей!..

..Че ез полчаса Севрюгин, икая и еле держась на ногах, спрашивал лакея:

— А что у вас тут... нет горницы... в онь-же и монаси почивать ходят?... Ну, попросту—номерка?..

— А!..—понял тот.—Покаместь нету-с, но скоро буду... Хе-хе-хе... Вель тут ничего грешного нет... В писании сказано: «Плодитесь и размножайтесь»...

Апостол Федор.

ВОЛК И ОВЦЫ.

«Дипломаты малой Антанты—в рабском повиновении у Керзона».

Из газет.

В среде дипломатов смятение и страх, Керзон всемогущий не в духе:

С Лозанною вышел как будто бы крах И колет к тому еще в ухе.

Европа притихла. Трясутся послы. Дрожат вместе с глазом монокли.

Унылые лица, как гетры, белы. И яркие лысины взмокли.

Внушительным басом великих персон, Чекая английские фразы,

Кричит на посланников гордый Керзон И грозно диктует приказы:

— «Сказать, чтоб Моссул мне в 15 минут Очистили... как из там?—турки!

Табак пусть немедленно в Лондон свезут, Себе же оставят... окурки.

— Рур с углем я Франции милой дарю, Пролиты себе забираю,

А все остальное, когда покурю, Причисляю к британскому краю!..»

Красное Жало.

ГУМАННОСТЬ ПО ПРЕМЬЕРСКИ.

Премьер министр Латвии начал свою деятельность с арестов коммунистов. (Из газет)

Рис. Д. Моора.

© MOOR. 23.

Латышский премьер: — Вы их изолируйте для спокойствия нашего общества.. Мы гуманны... Вешать пока погодите...

Поповская арифметика.

В этом году попы облагают села за свадьбы от 6 до 10 пудов ржи.
(Из газет).

Поп Кузьма с попом Ермолаем сидели в темном кабинете за большим столом, вели душевные разговоры. Поп Кузьма убедительно говорил:

— Ты только не волнуйся, о. Ермолай. Сейчас мы оставим маленькую перепись наших доходов и ты увидишь, куда это прет. Ни одна советская должность не даст такого капитала и, по моему, нет никакого основания уходить тебе на другую должность. Если шкрабом¹⁾ поступишь, одна канитель.

— Ну, говори.

Поп Кузьма достал большие почтенные очки, возложил очки на подпотевший нос, плюнул на два гайда, громко сказал:

— Итак, Дураков в деревне много?

Ермолай удивился.

— В каком смысле?

Кузьма рассмеялся.

— Не притворяйся, о. Ермолай, мы с тобой знаем дураков во всех смыслах. Первые дураки живые, которые не могут обойтись без церковного брака. Таких дураков в нашем приходе немало. В эту осень, по моим приметам, я насчитал сорок дураков: все они должны будут ко мне прийти, чтобы я их вокруг аналоя провел. Но я не дурак, чтобы даром водить. Деньги нынче не в моде, поэтому каждый из них должен уплатить мне по шести пудов зерном самое меньшее. Клади: шесть пудов помножить на сорок дураков.

Ермолай ще кнул косточками, тихо сказал:

— Десять сорок пудов.

— Вторые дураки, это—мертвые, которые хотят попасть в царство небесное. Нам, конечно, не жалко, пускай попадают—все равно не попадут, пот му что попадать некуда, кроме могилы. По моим приметам, нынче осенью должно умереть восемь стариков, пять старух, двенадцать младенцев мужского пола, восемь—женского пола, семь мужиков и четыре бабы.

— Клади?—спросил Ермолай.

— Клади: за похороны с выносом по восемь пудов.

Ермолай щелкнул косточками, тихо сказал:

— Крупного народа двадцать четыре человека по восемь пудов с каждого—сто девяносто два пуда. За младенцев, если с каждого по два пуда...

Кузьма перебил:

— Подожди с младенцами, они в особой графе. Их не станут хоронить с выносом. Все немцы к большому народу. Кроме выносу, по ним закажут панихиды. За каждую панихиду я полагаю брать не менее тридцати пяти фунтов Клади!

Ермолай, щелкнув косточками, тихо сказал:

— Тридцать пять помножить на семьдесят два пуда, получается две тысячи пятьсот двадцать фунтов или шестьдесят три пуда.

Кузьма улыбнулся, потирая руки.

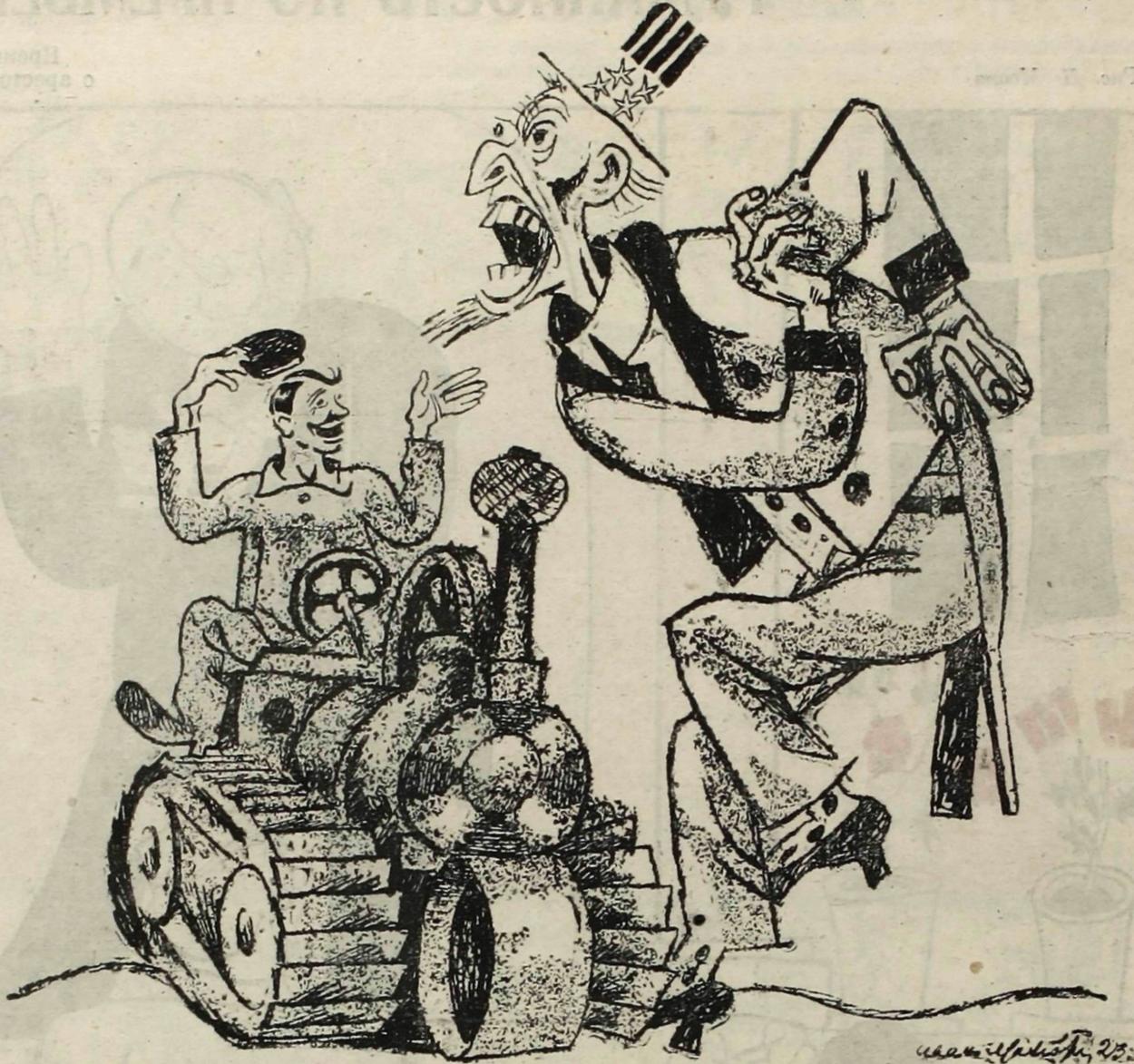
— Младенцев мертвых обоим по двадцать человек. Прибавил?

— Да.

— Это не все. Если мы нынешней осенью обвенчаем сорок дураков, то у них через девять месяцев будет сорок ребят, которых они обязательно будут крестить. Но мы не дураки, чтобы даром в воде мочить. Я полагаю, за каждого сунутого головой в ку-

¹⁾ Школьным работником.

Петроградские заводы начали выпускать Тракторы дешевле американских на 40%.
(Из газет).

Америна (питерскому рабочему): — Сто дьяволов! Ты наступил мне на самую любимую мозоль!

неть брать не менее двадцати фунтов зерном. Постой, постой, не торопись. По моим приметам и сейчас ходят двенадцать баб беременных да еще через месяц, надо думать, обозначится человек десяток... В общем, средним числом возьмем—семьдесят, плюс сорок.

Ермолай щелкнул косточками, тихо сказал:

— Сто десять рождений, за каждое по двадцать фунтов, итого пятьдесят пять пудов.

— Мало!—вздыхнул Кузьма. — Я, наверное, ошибся. В общем наплевать. Т пер вопрос исповедный. В среднем он даст не меньше семидесяти пудов печеного хлеба, несколько сот яиц и, конечно, масла. За те м молебны, отчитыванья, сорокоусты, акафисты и всякая такая прочая... Сколько всего получилось?

Ермолай откашлялся.

— Если все предположенные умрут в указанное нами время, неженитые женятся по церковному браку, а не рождавшие будут родить, то в среднем получается пятьсот пятьдесят пудов основного дохода и непредвиденного сто, итого шестьсот пятьдесят пудов. Плюс к этому яйца, масло, перль и всякая такая прочая.

Кузьма от удовольствия засучил рукава.

— Что, понимаешь теперь? Переведи на советские деньги. Миллиарды! И это я беру

самое меньшее, чтобы было безошибочно. Если же вместо сорока обвенчаются шестьдесят дураков, а вместо сорока умрет восемьдесят человек, что весьма возможно и крайне желательно, то получается тысяча триста пудов зерном. Чувствуешь, куда это прет? Ни один учителяшка в десять лет с оль о не получит и работа нам самая легкая. Раз-раз и готово. Я откровенно говорю, о. Ермолай, уходить из духовенства не стоит, пока существует дураки на белом свете. Пусть венчаются, панихиды служат, молебны, акафисты—какое нам дело?

Поглядел Ермолай на попа Кузьму, весело кривил головой:

— О. Кузьма, вы гениальный человек! Ваши наблюдения меня крайне радуют и я бы советовал нашу беседу с практическими указаниями опубликовать в какойнибудь газете для всеобщего укрепления материального духа.

Тут Кузьма сказал:

— Мне очень приятно слышать такие комплименты, но кроме московского «Крокодила» я никому не доверяю и могу напечатать только в нем, чтобы сразу увидела вся Республика нашу арифметику.

По просьбе попа Кузьмы и попа Ермолая и написал для «Крокодила»

Настешкин.

К ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ КРАСНОЙ АРМИИ
Издательство журнала „Крокодил“ выпускает специальный сатирический сборник.
(Рассказы, рашники, стихотворения, лубки, частушки, инсценированные плакаты).

ЧУДЕСНОЕ НАСЫЩЕНИЕ.

Рис. Д. Моора.

Если, предположим, что в рабоче-крестьянском государстве еще находится попов до 40.000, то эти 40.000 жрецов должны потреблять в круглых цифрах приблизительно до 35 миллионов пуд. хлеба, т.-е. приблизительно 9% всего государственного продналога.

(„Раб. Москва“)

— Ну, как, отец? Сыт?
— По горло. Вот уже поистине чудесно насытились.

ЛИШЕНИЕ ПРАВ.

Краснопресненским советом принято постановление о лишении избирательных прав в жилтовариществах нэпманов и вообще нетрудового элемента.

Правление N-ого жилтоварищества № 15483-А получило срочное предписание:

Вследствие лишения избирательных прав нэпманов, нетрудового и паразитического элемента, произвести переборы правления с соблюдением вышеуказанного.

Председатель. Секретарь.

Немедленно собрался весь наличный состав правления жилтоварищества—пришли: и председатель правления—товарищ Колупаев, и тов. Разуваев, и доктор по секретным болезням тов. Касторовый, и тов. отец Крестовоздвиженский.

— Господа,—сказал Колупаев.— Значит, это нетрудающие...

— Это которые же нетрудающие?.. А? — заинтересовался Крестовоздвиженский.

— Паразитический элемент,—разъяснял Колупаев,—вследствие весьма зловерного развития вошнотифозных болезней, стало быть... Санитарный осмотр на предмет искоренения... Это по вашей части, доктор...

Тов. Касторовый кивнул головой:

— Так-с...

Отец Крестовоздвиженский заметил:

— Если бы только о паразитах—но здесь ясно сказано: нэпманы и нетрудовой элемент...

Разуваев подтвердил:

— Не трудящиеся.—которые стало быть без работы...

— Яко у апостола,—заметил Крестовоздвиженский,—нетрудящийся да не ест...

— Голодающие, стало-быть...

— А что такое нэпманы?

Все задумались.

— А кто же такое нэпман?

— Кто лишен избирательных прав, тот и есть нэпман!—подхватил Крестовоздвиженский.

— Ловко! Пришлют так бумагу—разбери, если бы не умные головы...—радовался Разуваев.

— Значит, устроить перерегистрацию! Сначала самих себя надо...

— Самих себя!

— Я в Главторге причислен...

— Я в Цуторге...

— Я—врач...

— А я,—жаловался Крестовоздвиженский—изнурен трудами и всеобщим бдением... Машешь иной раз, машешь кадилом, инда рука зайдет... Придешь домой—«Матушка, налейка маленькую, рука размахалась, остановиться не может...» Так и опять машешь рукой целый вечер...

Правление все оказалось неподходящим под распоряжение о лишении прав нэпманов и нетрудового элемента.

А потом пошли по квартирам для регистрации: нарядили комиссию—Колупаева и Разуваева.

Осмотр начали с хороших квартир. На одной стояла надпись: «Председатель правления артела «Труд и труд»».

— Два раза труд—это понятн трудящийся!

— Что говорить,—идем дальше.

Подшли к другой квартире.

— А здесь кто?

Из за двери слышны голоса:

— Сколько ты на этом деле заработал?

— Заработал? Пустяки!.. Всего пять лимонардов...

— Тут — трудящие... Слышишь—заработал!..

Прошли в подвал.

— Кто здесь живет?

— Горюшкин... Рабочие мы...

— Так... А почему не на фабрике?

Время, кажись?

— Сократили... Безработный я...

Вот и листочек от биржи...

— Без работы стало-быть?.. Пиши: Горюшкин—не трудящийся...

В следующей квартире—старик.

Лежит на кровати.

— Чем занимаетесь?

— Вот как видите... Встать не могу... Больной я...

— Так... Что-то про больных ни слова? А? Как же с ним?

Разуваев видит, старик нет-нет да и почесывается.

— Чешешься-то с чего?

— Клопы... Дочка на работу ходит—придет ночью, умается, мне как то и сказать неловко, чтобы ошпарила... Так вот и лежу...

— Паразиты, стало-быть? Пиши—как паразитический элемент.

И этого исключили из списков.

В следующую квартиру не вошли даже. И так слышно, кто в ней живет!

— Ироды вы—кричала баба,—сама три дня не жрамши а вы тут разорались, проваленные!..

— Не жрамши—не ест, стало-быть. Пиши—нетрудящие! Не ест—стало-быть, не трудящийся...

* * *

На перевыборах правления прошли единогласно: Колупаев, Разуваев, Касторовый и Крестовоздвиженский.

В отделе только диву дались:

— Как это так—сообщено, что нетрудовой элемент лишен в этом товариществе избирательных прав, а выбрали...

— Что за черт! Надо это тело обследовать!

Матвей Крест.

Рис. Из. Малюткина.

Ньюболд в Москве.

Ньюболд: — Что мне передать от тебя английским товарищам?

Крокодил: — Передай, что я с нетерпением жду того момента, когда в Англии появится красный крокодил.

Под колпаком церкви

(Сильно комическая).

С виду церковка святая
(Все огнем горят кресты!)
И далекая такая
От житейской суеты.

Все на месте тут—иконы,
Гам—кресты и купола,
Здесь торжественны законы,
Здесь божественны дела!

Но под сению святою—
Грохот пробок: хлоп да хлоп!
—„Я вас, ципочка, не стою!..“—
Шансонетке шепчет поп.

Говорят: „дела гут святые,
Мол, земного—крошки нет!“
А посмотришь внутрь когда ты,
Там—отдельный кабинет!..

ТРОЕ.

(Сказочка).

Жили трое.

Первый Второму был другом. Вторым был Третьему другом. А Третий Первому был врагом кровным.

Приходил Первый ко Второму и говорил:

— Подлец Третий! Все силы из меня вытянул. Задавил работой непосильной, жену соблазнил, детей искалечил. Житья мне нет от Третьего!

И Второй поддакивал:

— Да, уж! Именно, что подлец! Денег мне займы не дает. Вчера пришел—всю ночь сидел, песни пел и меня заставлял, а мне не хочется! А как он тебя ругает! Я попробовал заступиться,—так он мне чуть голову не оторвал!

Приходил ко Второму Третий и говорил:

— Мерзавец Первый! Работать отказывается. Убытки мне чинит, убить меня грозит. Весь покой у меня отнял. Житья мне от него нет!

И поддакивал Второй:

— Верно, верно! Первый—мерзавец! Долгу мне не отдает. Вчера пришел, весь день сидел, наследил тут, напакостил, а я терпи! А про тебя он такое говорит, что я и уши заткнул, слушать не мог.

Так жили трое...

И вот пришел раз Первый ко Второму и спросил:

— Друг ты мне, или нет?

— Конечно, друг!

— Ну, так вот: решил я Третьего завтра убить.

Одному мне трудно, так ты мне помоги.

Помялся Второй, похаживал, похныкивал,—однако же согласился. Поплакал на груди у Первого и сказал:

— Ладно...

В тот же день был у Второго Третий. Прямо с порога спросил:

— Друг ты мне или нет?

— Ну да, друг!

— Тогда помоги мне Первого убить. Завтра хочешь одному мне трудно.

И опять, похаживая, как надо, согласился Второй. На завтра в одну и ту же минуту в доме Второго столкнулись Первый и Третий.

Мигает Второму Третий:

— Дескать, давай начнем! Случай как раз удобный.

Толкает Первый Второго:

— Помогай, мол! Вдвоем мы разом покончим.

А Второй от страха живот потерял. К Первому кинулся:—Стой! К Третьему рвется:—Постой! И вдруг на икону заплакал.

Кинулись тут на него Третий с Первым и так оттузили, что до сих пор он лежит и не знает: жив он или мертв.

А два другие, изрядно друг друга побивши, живут и силушку копят, чтоб разом решить: кто кого?

Вас. Лебедев.

БИБЛИОТЕКА „КРОКОДИЛА“.

Печатаются и скоро выйдут:

- 1) Демьян Бедный — „Как 14-я дивизия в рай шла“. Рисунки Д. Моора.
- 2) Демьян Бедный — „Как крокодил к обеду ходил“. Рисунки М. Черемных.

Еще о христолюбивом Госиздате.

Крокодил уже упоминал о тех душевспасительных календарях, которые издаются Госиздатом. О календарях мы теперь говорить не будем, может быть, с точки зрения Госиздата там и нужны все святители и равноапостольные.

Но вот Госиздат выпустил. «Синтаксис русского языка» Н. Гусева и Н. Сидорова.

В этом «учебном руководстве для школ второй ступени», рекомендованном «научно-педагогической секцией государственного ученого совета», находим такие перлы:

§ 15. Обращение. Вводные слова.

Примеры:

... Дай мне зреть мой, о Боже, прегрешенья! Царю небес, везде и присно сущий, Своих рабов молению внемли!

Боже мой, Боже! Господи! Иисусе Христе!

Силы небесные! Царица-Матушка!

... Спаситель, Спаситель, чиста моя вера.

И свят, о Боже, твой избранный.

И, наконец, на стр. 47 читаем самый замечательный перл, очевидно, нарочно отысканный составителями сборника. Вот он:

— Унеси ты, ветер, тучу градовую,

Сохрани нам, Боже, ниву трудовую.

До сих пор мы просто думали, что трудовую ниву можно и нужно возделывать и охранять посредством труда и науки. Теперь с изданием Госиздатом синтаксиса, задача упрощается: нужно только помолиться богу—и все будет в порядке.

Вообще, госиздатовский синтаксис—книга настолько ценная, что Крокодил с удовольствием купил бы все издание, для растопки печей это вещь незаменимая.

Бравые французские генералы участвуют в совещаниях с немецкими профсоюзами, доказывая, что германские предприниматели в сущности являются классовыми врагами германских рабочих, а также обещают радикально улучшить положение рурского пролетариата, введя оплату его труда во французской валюте. („Пр. вл.“)

Рис. Д. Мельникова.

Немецки капиталист (немецкому рабочему): — Французский капиталист громит твою родину. Это твой национальный враг. Французский капиталист (немецкому рабочему): — Немецкий капиталист — твой классовый враг, а я твой друг и желаю тебе добра. Рабочий: — А какая между вами разница? По моему, вы — одного поля ягода!

— Скажи, земляк, где бы тут найти четвертушку покрепче... сына женю.
— А вон, читай на доске! Там, брат, все обозначено, не хуже вывески!

ВИЛАМИ В БОК.

Чем кумушек считать трудиться...

В газете «Наш Путь» (№ 19), выходящей в Великих Луках, некий М. М. Горвиц — «филолог-классик» — печатается о судьбе русского языка.

«Язык, — пишет сей филолог, — это самая драгоценная сокровищница народа, — тот лингвистический алмаз, который следует беречь, как зеницу ока.

Когда мне приходится сталкиваться в речах и письме учащих с невозможными промахами в смысле этимологических, синтаксических и стилистических несуразностей, с полным отсутствием всяких знаков препинания, то у меня болит душа»...

А раз болит душа, ясно, — нужно взять бумагу и излить на нее душевную скорбь стихами. Так М. Горвиц и делает. Пишет стихотворение: «Вперед к миру ому омму-на-му», которое и тиснули в этом же номере «Нового Пути».

Вот образец «лингвистического алмаза», охраняемого «филологом-классиком»:

Но мы лишь часть пути свершили,
Нам надо весь его свершить:
И все, что здесь с землей сравнили (?)
Пора на Западе сравнить??

Спрашившем «филолога-классика» Горвица его же словами из статьи «о печальной судьбе русского языка»,

чтобы сказал на такое искажение родного языка наш (?) несравненный художник-ваггел слог — Тургенев, который, умирая, восклицал (?): «берегите наш язык, наш прекрасный русский язык!»

В то что воскликнул, умирая, «наш несравненный»:

Стихи М. Горвиц пишет сразу
(На то филолог он!), при чем —
Не лингвистическим алмазом,
А... тротуарным кирпичем!

Журналистский органон.

Не так давно большинство наших провинциальных газет витало в облаках высокой политики. Хорошим тоном считалось писать в передовицах исключительно об Антанте, Ллойд-Джордже, Пуанкаре и дурным тоном — о работе стеного коммуналоза. Крымские газеты и теперь стоят на этой линии, но многие все же спускаются на землю. Передовицы трактуют о просвещении, о Красной армии, о милиции. Но некоторые газеты не излечились от другой болезни — безграмотности.

Вот, например, как подписывает в газете «Трудовая Правда» передовику, скромно скрывающий я под инициалами «Г. Е.»:

Эти корни зла милиция способна будет уничтожить, будучи сама на должной высоте своего нравственного (?) содержания..

В неблагоприятных для сознания (!) условиях все попытки сдвинуть наше общее культурное развитие вперед не дадут нам желаемых результатов (№ 95).

«Трудовая Правда» — орган Трудовой Коммуны Области немц в Поволжье. Может быть, передовик плохо знает русский язык? Тогда ему нужно подучиться. Только не у «филолога-классика» М. Горвиц!

Тоже советую сделать и г-н Юр-сову, опубликовавшему в газете «Красный Путь» следующее коммариное сообщение:

От старого прогнившего строя, как наследие, осталось «религия — опиум народа» и коммунистическая партия, ведущая пролетариат к завоеванию природы, и выдвинула лозунг: «не вера, а знание».

Тут пахнет уже не «советским организмом».

Чтобы так написать, надо иметь такой «журналистский органон», который, действительно, остался как наследие от старого прогнившего строя.

В этом же номере «Красного Пути» имеются еще такие перлы:

Оккупация Рурского бассейна.

В Батум вошли французские войска. По сообщению из Батума, в Стелле между населением и оккупационными войсками произошли столкновения.

Товарищи «Красно-путейцы!» Н: Батум, а БОХУМ! Это маленькая разниц. Батум в Грузии, на Черном море, а Бохум это уже действительно в Рурском бассейне.

Архангельский.

Н Ы Т И К.

(Сказочка).

С детства Нытик нить любил. Семь нянек от него ушло, восьмая вместе с ним заняла.

Вырос Нытик, прочитал книг без счету и стал нить по ученому, по красивому:

— Кто мы тут? Что мы тут? Зачем, почему? Несчастные мы, глупенькие, ничего не знаем... Вот, может, правнучки наши счастливее будут.

Пьет ли, ест ли Нытик, работает ли, целует ли — все поет:

— Кому это нужно? Зачем?..

Очень Нытика женщины любили: слезу он хорошо знал, а бабы глаза слезу любят.

Только раз нарвался Нытик. Шел человек с работы, пот со лба отирал, отдыхая повисивал пенку.

Нытик к нему:

— Зачем? К чему? Кто мы тут? Глупенькие мы все...

Оборвал его человек.

— Все то не все, а вот ты-то и впрямь дурак! А вокруг народу было видимо-невидимо. И замечай все звонко.

Рассердился Нытик, на вершок от злости вытянулся:

— Не глупей тебя, во всяком случае!

Только Нытиковых слов никто не слышал: уже очень смешно было.

С той поры — Нытику каюк.

Вас. Лебедев.

ГЛАВБАМБУК.

Рассказ о том, как спелы зубы точат
На блага разные и головы морочат.

Свежо предание,
А верится с трудом.

Небывалая уха.

„Упала планида с неба между Царицыном и
Астраханью прямо в озеро солено-Эльтонское.
Какая рыба была, поверху пошла.“

(„Правда“).

Рис. Д. Мельникова.

Главуголь и Главлес, Главсланец и Главшишка*),
Главторф стараются, чтоб публику согреть.
Суют нам в руки все, что может лишь гореть,
А все же в топливе на рынке нет излишка.
Зима же на носу. Чтоб не было греха,
Воззвание пустить решил В. С. Н. Х.,
Специалистов всех на конкурсе призывая:
„На фронте топлива задача боевая“—
„С затратой небольшой вагонов и труда“
„Чтоб топливом снабжать зимою города“.
Пришла проектов тьма, и все от лиц известных;
Отмечу только три, особо интересных.
Один специалист Москву и вширь и вдаль
Окутать предложил каким-то новым газом
Безвзрывным для людей и незаметным глазом.
Он чеством уверял, что газовый вуаль
Потерю теплоты в пространство мировое
Уменьшит *ровно вдвое!*

А чтоб не потерять идей научных нить,
Чтоб опыты свои удачно завершить,
Чтоб мысль научная в зачатке не погасла,
Просил мешок муки и двадцать фунтов масла.
Другой же бойкий спец, всех смелостью плена,
Решил извлечь тепло подземного огня.
Он очень сожалел, что нет в Москве вулканов,
Но делать нечего. Приходится кору
Земную пробурить и вставивши в дыру
Большую магистраль, системой труб и кранов
Огонь распределять. Лишь надобно начать!
Огня же под землей—лишь успевай качать.
И добывать его—занятем будет детский.
А всем ответственным работникам советским
Дать можно пять кубов подземного огня.
Как мерил он огонь—неясно для меня.
Пока ж заводы льют для магистрали трубы,
Просил пять сажень дров и нечто вроде шубы.
Проекты хороши, но лучшую из мер
Беспорно предложил последний инженер;
Он печи изучал усердно по заводам
И в то же время был ученым лесоводом.
Он долго наблюдал приросты древесины
Сосны, бамбука и осины,

И опытов своих закончив полный круг,
Нашел он, что растет быстрее всего бамбук.
Был путь его работ тяжел, тернист и жесток
За то он наблюдал и убедился сам,
Как пухнул не по дням, а прямо по часам
И лез из-под земли бамбуковой отросток.
Попутно для теплиц он разработал печь
Таковую, что когда в нем куб бамбука сжечь,
Не меньше двух кубов получится прироста!
(Так автор сообщил корреспонденту „Роста“).
Изъяны транспорта, нехват рабочих рук
Теперь не страшны нам, лишь надобно теплицу
Скорей соорудить и, разведя бамбук,
Бамбуком отоплять Российскую столицу.
В награду же себе просил он скромных льгот:
В теплице для себя засеять огород.

(Хотя его мундир двойным украшен знаком,
Но был он человек и до съестного ком).
О пустяке таком какой быть можт торг?
Идея привела В. С. Н. Х. в восторг.
Госплан достоинства признал в проекте этом
И вскоре Главбамбук был учрежден декретом,
Газетные листки под жирным заголовком
Печатали статьи о лесоводе ловком:
„Блистательный союз таланта и труда!“

„Отныне Царь-Мороз ра венчан навсегда!“
Сам, Управляющий Главсланцем,
Наскучив ружьями бесплодные добить,
В столицу Грузии быть вызвался посланцем,
Чтоб в Грузии бамбука раздобыть.

(Бамбука много там в окрестностях Батума)
Поэтому Главбамбук наделал много шума.
Госсору Главбамбук работы дал не мало:
Составили проект; по части материала
Нажаты кнопки все; со всех сторон текло
Железо и цемент, и доски, и стекло.
Строители взялись за дело очень бойко:
В два месяца была закончена постройка.
Когда готов был грунт, тотчас же сотни рук
В теплице принялись рассаживать бамбук.
Удачно для себя устроившись с народом,
Ученый лесовод занялся огородом.

Готово было все пред самым Рождеством,
Открытие прошло с громадным торжеством.
Особенно велик восторг был ребятишек:
Не надо будет в лес ходить для сбора шишек!
Конечно, похвала, исполненная жара,
По радио пошла кругом земного шара.

*) Комитет по сбору сосновых шишек в лесу—руками школьникова.

— Ты что,—продаешь рыбу то?
— Продаю!
— Ну и дурак! Нашел, где продавать. Гляди, здесь все продают, а покупать никому!

Трещит в Москве мороз, но дров для частных лиц
В продаже нет совсем: все взяли для теплиц.
Бамбука ж нет как нет. Болтали в тихомолку,
Что из затей всей немного вышло толку.
Сомненьями объят, в предчувствии греха
Комиссию решил послать В. С. Н. Х.
Пришла Комиссия, теплицу поглядела.
„Ну, как идет у Вас бамбуковое дело?“
Ученый лесовод, взор обведя вокруг.
Ответил: „Ничего! дела у нас—бамбук“
А рядом, опустив стыдливо в землю взоры,
В бамбуковой тени краснели помидоры.

Мораль не привожу. Я не сторонник моды.
Чтоб камешки бросать в чужие огороды.
Китаец бы сказал, что трости из бамбука
В подобных случаях—полезнейшая штука!

Лев Фольварнов.

Библиотека „Крокодила“.

Литературная серия.

ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

и в скором времени выйдет в свет

СБОРНИК 1-й

сатирических рассказов

„ЛАВОЧНИК-РАЗЛУЧНИК“.

С требованием обращаться в главную контору „Крокодила“, Москва, Охотный ряд, против дома Союзов.

— Полюби нас красненькими...

Рис. Ив. Малютина.

По слухам, Япония решила безусловно эвакуировать Сахалин.

Япония (С. С. С. Р.): — Милый, я готова тебя полюбить, только убери ты эту колочую штучку, которая у тебя в руках!

Страничка читателя.

„КРОКОДИЛОСКОП“.

Бывают и такие читатели. Прочтет журнал, носом покрутит, нижнюю губу оттопырит и отрежет:

— Ерунда-с!

— Что ерунда?

— Да вот в журнале пишут. Небось сами все из своей головы выдумывают, а на поверку таких случаев даже я не бываю. Не верю я счinitелям этим, хоть вы меня за режьте.

Один из таких неверующих приперся к Крокодилу.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— Так вы и есть тот самый Крокодил?

— Он самый.

— Нет, правда тот самый?

— Правда.

Неверующий покрутил носом, помолчал и спросил:

— Чего это вы все на попов взъезжаетесь? Пишете про них разные разности, рисунки всякие прорисовываете. И чего это попы вам так дались?

— Попы, что клопы,—ответил Крокодил,—не пошпаришь их, порошком не посыпешь, или вилами в бок не ткнешь—заедят.

— Не верю,—сказал неверующий,—не может этого быть, что вы про них пишете, что они и самогонку пьют и за требы волосья друг дружке вырывают. Хоть убейте меня, не верю.

Крокодил не стал убивать неверующего, а вытащил «Крокодилоскоп», наладил его и сказал:

— Хотите сами убедиться, своими глазами увидеть?

— Да как же это сделать?—удивленно спросил неверующий.

— А вот посмотрите в «Крокодилоскоп». Ну, возьмите сначала поужнее. Вот вам *с. Тамаровка, Белгородского уезда, Курской губернии*. Видите?

— Вижу.

— А что вы видите?

— Вижу, как поп у самогонницы млебен служит, а потом после млебени, вместо платы, самогонку хлещет.

— А теперь повернем на запад. Что видите?

— Вижу *с. Верховья-Малышкани, Смоленской губернии*. Поп панихиду по умершем служит. Вот ему бабы хлеб печеный дают, а он на них накинудся, почему не муку принесли. Потасовка такая, сатюшки!

— А ну-ка, смотрите севернее, вот хотя бы в *с. Кривково, Лужского уезда, Петроградской губернии*. Тут что видите?

— Ого-го-го!—заерзал на стуле неверующий,—поп крест дает целовать прихожанам, а один из них прямо в алтарь прет, где поповский мед спрятан. Поп за ним. Крестом на него машет. Не трогай, мол. Мед мой!

— Ну, посмотрите еще, что делает поп в *с. Пол.-Майдане, Касимовского уезда, Рязанской губернии*.

— Поп самогонку гонит. Глянь-ка! Милиция нагрянула, аппарат забрала. Беда!

— Ну,—сказал Крокодил,—хватит. Что? Убедились?

— Да-а-а!—протянул неверующий,—действительно!

— Милый мой,—сказал Крокодил,—вы на выборку смотрели, а если бы подряд, так за целый год не пересмотреть. Попов, что клопов—тьма тьмушая, а дураков, что им верят, еще больше.

— Слушайте,—сказал неверующий,—разрешите еще разок посмотреть. Хочу в свою губернию.

— А вы подписались на заем?—спросил Крокодил.

— На какой заем?—опешил неверующий.

— Как?—крикнул Крокодил,—вы не знаете, что такое заем?!

— Не-е-е зна-а-а-ю!

— Так убирайся к черту!—гаркнул Крокодил,—чтоб и духу твоего не было!! Ишь ты! На заем не подписался, а в «Крокодилоскоп» лезет на попов смотреть!

И сердито задымил трубкой.

Архип Южный.

МАСЛЯНИЦА В ДЕРЕВНЕ (1923 года).

С утра раннего стоит

Шум и гам мальчишек:

«В школу нечего ходить:

Школа, ведь, без книжек».

«Да и что там делать нам,

В комнате той классной.

Просидеть уроки там

В холодище страшном?

Лучше бежать по дворам,

Иль кататься в санках...

Или какая вон гора.

«Эй держися, Ванька,

Как покатишься с горы,

Дух так и займется.

Пот катится от жары,

Пар кругом несется.

Где морозу укусить—

Убежит с испуга...

Как начнут стеной ломать

Друг напротив друга.

Шум и стон стоит кругом

Бой идет заправский:

Тут за зуб, тому в ребро,—

Что твой бой полтавский...

А коль старшие начнут:

Вот пойдет где свалка...

Кто за кол, а кто за кнут.

«Никого не жалко».

«Бей Ванюшу, бей Петра.

Нету им спасенья!

«Эй, уйся, детвора—

Вот вам и учёнь».

Солнце стало пригревать

Лоснится дорога...

До «весны» не долго ждать?

Долго, очень долго!

Ал. Зеленов.

Сокращенные барышни.

В Гусе Хрустальном (Владимирской губ.) происходило новое сокращение советских служащих. По этому поводу Крокодилу прислано не лишнее юмора стихотворение:

Мы ставили важные кляксы
На кипы советских бумаг,
Румянились, чистились ваксой,
От скуки курили табак.
Смотрели в разрядную таксу,
Сморкались, зевали до слез,
Простите знакомые кляксы
Собез, Райсоюз, Совнархоз...

Не только обитательницы Гусь-Хрустального, но и вообще все сокращенные барышни и лишние секретарши должны прослезиться, читая эти трогательные строки. Даже Крокодил пролил слезу, правда, как и полагается, крокодилу.

ПРИВЕТ ИЗ ЮЗОВКИ.

Товарищ Шарапов-Нестеровский шлет от имени юзовских шахтеров такой привет Крокодилу:

— Крокодил—веселый парень,
Каждый это знает,
Комсомолец, видно, ярый
Тьму он разгоняет.
Он и нэпа нарисует
И попа протянет,
Красным носом все он чует,
До всего достанет.
Крокодилю лапу дружно
Жмет шахтеров масса.
Пригласить его нам нужно
Для всего Донбасса.

На всякий привет нужен ответ. И вот Крокодил отвечает:

Я люблю и знаю вас,
Горняки—шахтеры
И приехать к вам в Донбасс
Постараюсь скоро.
Чтобы смехом и тоской
Дружески слились мы,
Я даю совет такой:
Чаще шлите письма.

ОПЕРА ДЛЯ БЕДНЫХ.

В г. Кимрах, Тверской губ. из-за поломки электродвигателя сократили подачу электрической энергии в рабочие квартиры. И вот в то время как рабочие сидят впотьмах, в местной церкви, где попы дают «оперу для бедных», горят десятки электрических лампочек.

Крокодил, подтяни кого следует за такую работу!

Рабочий из Кимры.

«Свет христов просвещает всех»—говорят попы. Но нехорошо, когда этот свет крадется из квартир рабочих. Поповским Люциферам (похитителям света) нужно указать их место.

Крокодил.

Почтовый ящик.

Провинция.

Гусь Хрустальный, Влад. губ.—В. Чистову. «Сокращенные барышни»—идут. Заметку для газеты—передали. Пишите еще.

Златоуст—Кривину. Присылайте еще.

Юзовка—Шарапову-Нестеровскому. «Привет» идет в этом №. Остальное по вашей просьбе передаем в газеты.

Екатеринбург—С. Немчинову. Факт—очень мелкий, но при случае используем. Пишите еще.

Рыбинск—т. Нестеренко. Ждем еще и еще.

Тула—«Босюку». Спасибо за хорошее искреннее письмо. В Крокодиле будет страничка «Красной армии» и там мы поднимем предложенный вами вопрос.

Алапаевск—т. Федорову. Материал используем. Письмо отдали в газету. Там вам дадут ответ особо. Ждем еще материалу.

Кимры—Рабочему. Материал использовали. Ждем еще.

Грозный—Трушкину. «Бумагу доставлять тебе я взялся»—лишет т. Трушкин.

Плохую бумагу вы доставляете Крокодилу: испорченную плохими стихами. Лучше уж доставляйте совсем чистую, хоть на что-нибудь да пригодится.

Ростов—И. Омелянцу. Отставка Ллойд-Джорджа теперь настолько же интересна—насколько интересна гибель Колчака. Неужели ничего нового не придумали?

Екатеринослав—Торцову. Не смущайтесь временными неудачами. Писать вы можете. Присылайте еще.

Коломна—Тихому. Вашу заметку отдадим в газету.

Орехово-Зуево—Глазастому. Материал используем. Присылайте еще.

Пушкино—В. Горшкову. Очень длинно и невразумительно. Не стоило писать плохими стихами. Лучше коротко и ясно в прозе.

Тамбов—«Сигнальщику». Вы пишете о своем горе-авиаторе:

С землей прощается пока
И уж летит под облака.

Раз навсегда заявляем нашим корреспондентам: уж рожден ползать и летать не может, как об этом во всеулышанье (сказал много лет назад М. Горький в своей «Песне о соколе»). В виду изобилия уже в присылаемых нам стихотворениях, настойчиво рекомендуем нашим корреспондентам почаще обращаться к «Песне о соколе», как к своеобразному уч бнику стихотворения.

Редактор—Редац. Коллегия.

Издание «Рабочей Газеты».

МОСКВА, Охотный ряд, против Дома Союзов.

— Товарищи, к чему пугаться? Вам просто нужно подписаться
Я первый друг ваш, знайте это. И на меня и на „Газету“.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗОЛОТОЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ

ДАЕТ возможность каждому выиграть огромную сумму в золоте.

ДАЕТ возможность каждому **застраховать** свои сбережения от обесценения.

ДАЕТ возможность каждому **получить** на свои сбережения **6% годовых** по курсу золота.

ДАЕТ возможность каждому **вернуть** свои сбережения **по курсу золота** в любой день продажи облигации.

ОБЛИГАЦИИ выпускаются в **5 рублей** и в **25 рублей** золотом.

ОБЛИГАЦИИ в 25 рублей имеют 5 номеров, из коих каждый может **выиграть отдельно**. Облигация, выигравшая один раз, участвует в дальнейших розыгрышах.

1 мая и 1 сентября 1923 года будут произведены **первые тиражи выигрышей**.

В каждый розыгрыш войдут: по одному выигрышу в 100000 руб. золотом, по одному выигрышу в 50000 руб. золотом, по два выигрыша в 25000 руб. золотом, по 5—в 10000 руб. золотом, по 10—в 5000 руб. золотом, по 50—в 1000 руб. золотом, по 100—в 500 руб. золотом, по 1000—в 100 руб. золотом, по 2000—в 50 руб. золотом, по 10000 выигрышей в 20 руб. золотом до 1927 г., а с 1928 г. по 1930 г. по 5000 выигрышей в 20 руб. золотом.

Облигации принимаются в залог по всем казенным подрядам и поставкам, в обеспечение уплаты акцизов и таможенных пошлин без ограничения сумм.

Каждая купленная облигация сокращает печатание бумажных денег, укрепляет курс рубля, оздоравливает народное хозяйство.

Облигации выпускаемого займа продаются во всех кредитных учреждениях РСФСР и союзных Республик, а также во всех губернских и уездных финансовых отделах, **в почтово-телеграфных конторах**, в кооперативных организациях и других местах.

Петровка, 10. Бель-этаж.
Тел. 2-88-90.

Государственная мебельная контора ЦУЛПА.

Петровка, 10. Бель-этаж.
Тел. 2-88-90.

ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ НА ИЗГОТОВЛЕНИЕ ВСЯКОГО РОДА МЕБЕЛИ И ОБОРУДОВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ, КОНТОР, ШКОЛ, ТЕАТРОВ И ПР.

ПРОИЗВОДИТ ПРОДАЖУ ИЗ СОБСТВЕННЫХ МЕБЕЛЬНО-МУЗЫКАЛЬНЫХ МАГАЗИНОВ КОНТОРСКОЙ И ПРОСТОЙ МЕБЕЛИ, ПИАНИНО И РОЯЛЕЙ.

ИМЕЮТСЯ ИЗДЕЛИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕБЕЛЬНЫХ И МУЗЫКАЛЬНО-КЛАВИШНЫХ ФАБРИК, А ТАКЖЕ МЕБЕЛЬ КУСТАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА.

БОЛЬШОЙ ВЫБОР СТИЛЬНОЙ МЕБЕЛИ РУССКИХ И ЗАГРАНИЧНЫХ МАСТЕРОВ.

Крестьяне, не купившие хлебного займа, потеряли. Крестьяне, которые не купят выигрышного займа, потеряют еще больше.

Золотой выигрышный заем доходнее золота: он разменивается по курсу, приносит проценты и выигрыши.

Кто хочет сохранить деньги от обесценения, тот должен покупать облигации выигрышного займа: они оплачиваются по курсу золота.

БИБЛИОТЕКА „КРОКОДИЛА“.

Готовятся к печати и в конце февраля выходят в свет:

- 1) Демьян Бедный — „Собрание сочинений в одном томе“. Обложка работы художника Д. Моора.
- 2) Демьян Бедный — „Как 14-ая дивизия в рай шла“. Рисунки худ. Д. Моора.
- 3) Демьян Бедный — „Как Крокодил к обедне ходил“. Рисунки М. Черемных.
- 4 и 5) Два художественно-сатирических альбома: а) „Капитал“; б) „По С. С. С. Р.“
- 6) „Лавочник-Разлучник“ — книга сатирических рассказов и стихотворений.
- 7) „Театральный Крокодил“ — сборник пьес, инсценировок, частушек и песен для рабочих клубов и красноармейских театров.
- 8) Специальный сатирический сборник, посвященный 5-ой годовщине Красной Армии.

С требованиями обращаться по следующему адресу:

Москва, Охотный ряд, против Дома Союзов, Главная Контора журнала «Крокодил».

КРОКОДИЛ

Констатируют...

Французская „Лига прав человека“ констатирует незаконность вторжения французов в Рурский район.

Рис. Д. Моора

Лига прав человека (французскому генералу): — Послушайте, это же незаконно, он едва дышит.
Генерал: — Что? Еще дышит? Да, действительно, это ни на что не похоже!